

День начала года | 26 сентября 2020 г.

Видишь только то,
чем восхищаешься

ОБЩЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ

Видишь только то, чем восхищаешься

*День начала года
для взрослых и студентов
из «Общениа и освобождения»
Видеоконференция, 26 сентября 2020 г.*

ОБЩЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ

© Братство «Общения и освобождения», текст Х. Каррона, 2020
© Fondazione Meeting per l'amicizia fra i popoli,
текст интервью Фернандо де Аро с Микелем Азурменди

Перевод с итальянского А. Шиловой

На обложке: У. Конгдон. Virgo Potens, 1985
Холст, масло, 90×75

© The W. G. Congdon Foundation, Milano, Italy
www.congdonfoundation.com

*День начала года
Видеоконференция, 26 сентября 2020 г.*

Введение Хулиан Каррон

Бог не может сделать ничего, если мы не открыты, не готовы принимать. Поэтому давайте в начале нашей встречи попросим об этом у Духа Святого, помолимся, чтобы открытость, благодаря которой мы сегодня собрались вместе, хотя и на физическом расстоянии друг от друга, достигла полноты.

Гимн Святому Духу

Мы находимся в ситуации, о которой еще не знаем, как долго она продлится. Сколько раз в прошедшие месяцы мы вынуждены были пересматривать наши прогнозы, учитывать данные, выявлявшие ошибочность наших расчетов! Поэтому нас вполне резонно беспокоит «неопределенность», о которой Марио Драги (экономист, председатель Европейского центрального банка с 2011 по 2019 г. – Примеч. перев.) говорил на Митинге.

Новостная лента полна новых неизвестных – здесь, в Италии, и повсюду. Подумаем о школе и университетах, об экономическом положении и о том, как скажется пандемия на занятости, на работе, на содержании предприятий. Что касается COVID-19, вирусологи подчеркивают возможность повторного заражения, как бывает и при других инфекционных заболеваниях, а это «бросает тень

на эффективность вакцин». То есть нельзя полагаться даже на то, что та или иная вакцина разом решит проблему. Опасность не миновала, мы по-прежнему подвержены риску заражения.

К картине добавляются и другие явления, пожалуй, еще более тревожные. На первом плане в СМИ – безосновательная жестокость, ужасающая жестокость, наводящая на размышления. Все больше распространяется неспособность признавать происходящее, даже когда речь о такой очевидной реалии, как коронавирус, и в так называемых развитых обществах это ведет к самому неразумному отрицанию.

Все это – признаки *скрытого процесса*, который гложет нас изнутри и именно поэтому делает нас все более беззащитными, неспособными реагировать, давать убедительные ответы. Он продолжает свою разрушительную работу в глубине нашей души, подобно вирусу, ослабляя еще больше и так уже довольно вялое «я». Кто-то набирается смелости, чтобы назвать его (этот «скрытый процесс») по имени: *нигилизм*, «своего рода близкое отношение с ничто», как недавно написал замдиректора газеты *Corriere della Sera* Антонио Полито. Нигилизм этот «уже не имеет интеллектуальной силы, чтобы нападать на ценности, он менее амбициозен и часто имеет вид „нормальной жизни“. <...> Это необратимая пустота»¹.

Глубинный *страх*, который все с большей силой овладевает нами, – главный его симптом. И как ни парадоксально, этот нигилизм, распространяющийся все шире, самым очевидным образом подтверждают те, кто его отрицает, – «отрицатели ничто», неспособные, как и отрицатели

¹ A. Politico. *La violenza nichilista tra i giovani // Corriere della Sera*. 17 settembre 2020.

коронавируса, предстоять перед реальностью, потому что им безумно страшно взглянуть ей в лицо. Мы же осмеливаемся смотреть на нее в силу дарованной нам благодати.

В такой ситуации мы должны выбирать: либо целиться в симптомы, как это делают люди, предлагающие решать проблему путем управления страхом, либо же взять на себя труд дойти до их истока, чтобы выявить, откуда они происходят, и, следовательно, противостоять их влиянию.

Молодежь с присущей ей дерзостью всегда бросает нам вызов, не позволяя останавливаться на неудовлетворительных ответах. «Все они, – пишет один преподаватель, – испытывают невероятный голод по смыслу [способному заполнить их пустоту], на что летом мне прямолинейно указала одна девушка: „Нужно, чтобы кто-то доносил до нас, молодых людей, смысл жизни, вкус повседневности“. И она добавила: „Нужен кто-то, кто покажет, что можно не бояться вопросов о смысле, о счастье“».

Потребность такого рода помогает понять драму, разворачивающуюся здесь и сейчас: борьбу между Бытием и ничто, между вкусом повседневности и пустотой, наступающей нас изнутри. Не встречая ее лицом к лицу, мы и сами станем следующими жертвами этого распространяющегося нигилизма, если уже ими не являемся.

Чтобы обобщенно описать природу борьбы между Бытием и ничто, мы часто прибегали к фразе Ницше, в которой нашло отражение крайнее последствие *его* нигилизма: «Фактов не существует, есть только интерпретации фактов»². В нас эта позиция проявляется в том, что мы мечемся среди тысяч интерпретаций, не умея отличить

² Ср. Ф. Ницше. *Полное собрание сочинений*: в 13 томах. Т. 13: *Черновики и наброски 1887–1889 гг.* М.: Культурная революция, 2006. С. 85.

те из них, для которых свойственно честное отношение к фактам и подчинение авторитету опыта. Никакие факты не «захватывают» нас настолько, чтобы мы могли выйти за пределы равноценных интерпретаций. Все кажется одинаковым.

Способно ли что-то бросить вызов приведенной аксиоме: «Фактов не существует, есть только интерпретации фактов»? Найдутся ли факты, которым удастся противостоять нечленораздельной лавине равнозначных интерпретаций, накрывшей нас в нашем «информационном» обществе? Где та девушка или каждый из нас может обнаружить приметы, позволяющие признать победу Бытия над ничто?

Как я не раз повторял в эти месяцы в самых разных ситуациях, ярчайшим примером такого факта является история слепорожденного. Мне всегда вспоминается именно она.

Обретение слепорожденным зрения – событие. «Я был слеп, а теперь вижу»³, – твердит он все время. Как только факт произошел, тут же *посыпались все возможные и вообразимые интерпретации со стороны семьи, соседей, фарисеев. Поразительно, что после чуда Иисус не побоялся оставить его одного в хаосе интерпретаций! И слепорожденный ни на минуту не смутился, у него не возникло и тени сомнения относительно случившегося с ним факта, его и на йоту не затронули интерпретации, не принимавшие в расчет событие.*

Будьте внимательны: слепорожденный не встает тотчас на сторону Иисуса. Прежде всего он прирастает к реальности, встает на сторону факта, он честен по отношению к событию: «Я был слеп, а теперь вижу». В него проника-

³ Ин. 9:25.

ет, в нем сияет очевидность истины: «Я был слеп, а теперь вижу», – и именно она позволяет ему встать на сторону Иисуса. Исцеленный слепой делает не идеологический выбор, не вступает в ряды той или иной партии. К признанию Иисуса его ведет очевидный факт прозрения. Исцеленный слепой – не буйный одержимый, желающий навязать свою интерпретацию, он единственный не попирает факт (теперь он видит, и это случилось благодаря человеку по имени Иисус), факт, который все остальные хотят отвергнуть, чтобы насадить их собственную идеологию в противовес очевидной реальности. Идеология и есть интерпретация, отметающая факты на основании предрассудков, чего-то, что нужно защищать.

В книге «Сияние в глазах»⁴ я попробовал предложить вариант ответа на нигилизм, осаждающий нас сегодня со всех сторон. Все мы были призваны проверить этот вариант. Летом в ходе разных мероприятий, в которых мы так или иначе участвовали, в выступлениях тех или иных людей, в их подходе к реальности, мы могли увидеть победу Бытия или же ничто, вкуса повседневности или же пустоты. Каждый из нас мог проверить, как откликалось в нем то, что он видел и слышал, что приводило его в дрожь, что пробуждало, вырывая из небытия, а что, наоборот, прошло для него бесследно, оставив пустым, как и прежде. Можно спорить об одном и о другом, но разница между двумя вещами очевидна: когда мы находимся перед чем-то, что способно изменить жизнь (как изменилась жизнь слепорожденного), это ни с чем не сравнимо.

Летом нам было предложено свидетельство, исключительное из-за самосознания, которое в нем проявляется,

⁴ Х. Каррон. *Сияние в глазах. Что вырывает нас из небытия?* Эл. изд., 2020.

и осознанности шагов, которые часто мы можем оставлять без внимания. Я говорю о разговоре Микеля Азурменди с Фернандо де Аро, подготовленном для Митинга в Римини. Когда я его услышал, у меня возникло желание пересмотреть его вместе с вами, предложить его всем, разделить со всеми. И можно ли найти более подходящий момент, чем День начала года?

Прежде всего в этом интервью, которое кто-то из вас уже, наверное, видел, поражает та естественность, с какой Азурменди рассказывает о пути, проделанном с тех пор, как он столкнулся с простым фактом, с самым что ни на есть частным случаем: радиопрограммой незнакомого ему журналиста, прослушанной рано утром на больничной койке. Впечатляет честность, с какой человек, перешагнувший порог семидесятилетия, выдающийся социолог, воспринял это первое столкновение, запустившее процесс, описание которого мы через несколько минут услышим от него самого. Мне кажется, это подтверждение того, как сейчас, когда нигилизм широко распространяется, можно заметить инаковый опыт, когда он имеет место, заметить то, что нигилизмом не является, и удивиться победе, которую одерживаешь над нигилизмом просто потому, что следуешь за первоначальной очевидностью этой инаковости, сколь бы хрупкой она ни была. Хватило одной трещины, чтобы прорвало плотину.

Случилось нечто непредвиденное. Азурменди описывает его так: «Я не ожидал, что встречу в жизни что-то подобное. Это был большой сюрприз. Совершенно за рамками привычных вещей. Я удивился, сказал себе, что стоит прислушаться, и потихоньку вошел в состояние восхищения. <...> Восхищение – это порыв, в силу которого ты вживаешься в то, что тебе дороже всего, ведь ты этого не ждал».

Именно восхищение продиктовало Азурменди метод, который он применил на своем пути; его можно коротко сформулировать фразой, ставшей темой Дня начала года: «Видишь только то, чем восхищаешься». Действительно, последовав за восхищением, которое вызвал незнакомый журналист, выступавший по радио, а потом – и многие другие люди, встреченные после него, он вынужден был поставить под вопрос социологическую догму, согласно которой нельзя устанавливать общение с изучаемым объектом, поскольку это нарушает закон о нейтралитете наблюдателя. Азурменди должен был постоянно освобождаться от всех тех фильтров, от тех шор, какие его профессия преподавателя наложила на него. «Я говорил себе: „Я видел все это прямо перед собой, почему же я не всмотрелся? Тут нужно разъяснение“». Видишь только то, чем восхищаешься. Видишь, то есть по-настоящему замечаешь, принимаешь во внимание, понимаешь, только то, что тебя поражает («*affici aliqua re*»), притягивает, захватывает. Глаза открываются, только когда происходит определенная встреча.

Чтобы объяснить увиденное, Азурменди написал книгу «Объятие»⁵, которая будет следующей книгой месяца: «Проблема с написанием книги заключалась в желании показать, что то, что я видел, вызывало у меня удивление и массу эмоций. Но я также хотел показать, почему я этого не замечал». Видео, которое мы сейчас увидим, и книга «Объятие» ставят перед нами свидетеля, достойного доверия, помогающего нам понять, почему мы не видим, как не видел он до определенной встречи,

⁵ М. Azurmendi. *El Abrazo. Hacia una cultura del encuentro*. Cordoba: Almuzara, 2018. Ит. изд.: М. Azurmendi. *L'abbraccio. Verso una cultura dell'incontro*. Milano: Bur, 2020.

и в конце концов оказываемся в пустоте, как он оказался в пустоте идеологии.

В его возрасте и с его историей за плечами Азурменди нашел в себе *открытость*, чтобы смотреть (на школы и каритативу, на семьи и группы Братства), пытаться понять, с какими «обстоятельствами и моментами времени связано [его] изумление», и сделать из этого выводы. Так он заметил все, что находилось перед его глазами и чего он раньше не видел.

«Эта замечательная жизнь, какой и мне хотелось бы жить, образ жизни этих людей, в котором столько самоотдачи, радости, – как такая жизнь возможна? Бывает, ты вспыхиваешь. Встречаются удивительные люди, прекрасные, с которыми случаются своего рода вспышки, но со временем они гаснут». И он заключает: «Этому факту есть только одно объяснение: то, что они говорят, истинно; истина в самом деле есть истина в действии. <...> Истина производит жизнь. Этот образ жизни от чего-то произошел. Говорят, от Иисуса Христа. <...> ...эти люди следуют за Ним. И тогда ты понимаешь. И говоришь: „Я должен в это верить, это живой Иисус, и я верю в Него“. В Бога я бы не поверил. <...> В какой-то момент ты вынужден спросить себя: „Как все они могут одновременно ошибаться?“ Враги тоже знали, кто Он. Но они не знали Его. Иоанн и Андрей за Ним пошли, хотя не были с Ним знакомы».

В общем, давайте вместе посмотрим и послушаем.

ОБЪЯТИЕ

Расшифровка [видеоинтервью Фернандо де Аро с Микелем Азурменди](#), подготовленного для Митинга в Римини и приуроченного к публикации итальянского издания книги «L'Abbraccio» издательским домом BUR Rizzoli

Фернандо де Аро. *Азурменди, Микель!*

Микель Азурменди. Фернандо! Как ты?

- *Наконец-то, наконец, сколько времени прошло!*
- *Что расскажешь о себе? Никаких объятий и всего такого...*
- *Объятие вот такое, обниматься нельзя.*
- *Как ты?*
- *Хорошо, рад быть здесь, у тебя все такое ухоженное.*
- *Это работа, работать важно.*
- *У тебя тут огород.*
- *Маленький, рядом с домом. Есть еще другой, с помидорами. Если хочешь посмотреть, пойдем после обеда, он за дорогой.*
- *Поговорим об «Объятии»?*
- *Давай.*
- *Поговорим о первых страницах... Первые страницы этой книги надо бы скорее слушать, а не читать.*
- *Да, их лучше слушать...*

[Фернандо де Аро включает на телефоне запись отрывка из своей радиопрограммы:]

- *В завершение выберу одну фотографию, опубликованную в газете «Вангардиа».*
- *Это журналист Фернандо де Аро на радио «Копе», он в эфире с 6:30 утра, а это почти конец программы в 8:20.*

[Запись продолжается:] *...возле стены стоит темнокожая женщина в черной куртке. Ее зовут Рита, она закрывает лицо руками...*

– *Где ты был, когда услышал это?*

– На кухне. Утром я встаю в 6 или в 6:30 и по выходным слушаю этого журналиста, с которым потом встречу, Фернандо де Аро. Я не знаю, кто он такой.

– *Мы тогда не были знакомы.*

– Нет, не были, я услышал тебя в больнице. Я лежал в больнице...

– *Почему ты попал в больницу?*

– Это длинная история, которая началась в 2014 году, шесть лет назад. У меня руки поражены артритом. Поэтому я и работаю: чтобы они не потеряли силу. Мне посоветовали инъекции, шесть инъекций. После четвертой случился кризис. Эти уколы нельзя делать, если после каждого не отслеживаешь состояние легких, а мне их сделали четыре. Я не мог ходить, не мог досюда дойти. Было 7 июля, и я решил лечь в больницу умирать. Я сказал моему сыну (сегодня его нет, а тогда он был дома): «Отвези меня в больницу, поеду умирать», – и описал ему ситуацию: «Я никому ничего не должен, за дом я расплатился». В больнице ему четыре вечера подряд говорили, что я не переживу ночь. Но я пережил. Я хотел умереть и приложил для этого достаточно усилий. В больнице у меня был вот этот мобильный телефон, я покажу тебе... и однажды в субботу утром я услышал тебя. Я очень мало спал. Сейчас сплю немного больше. Я послушал и сказал сам себе: это интересно. Каждые субботу и воскресенье с 2014 по 2017 год я слушал тебя, все субботы и воскресенья. Я прекрасно знаю, что ты думаешь. Знаю, что ты думаешь о реальности, о новостях, касающихся реальности, что ты думаешь о себе, человеке, который рассказывает новости о реальности. Эти три аспекта важны. Мне все это

было интересно, и я продолжал тебя слушать. Я слушал тебя на кухне, где у меня стоит маленький приемник.

– *Книга начинается с ряда фотографий, которые я комментировал...*

– Так все началось...

– *Поэтому ты начал книгу так...*

– Я начал так, но, когда ты начинаешь тем или иным образом, ты не знаешь почему, а может, и знаешь. Как бы то ни было, мне дорого далась завязка книги. Я делал заметки на протяжении полутора лет и решил написать книгу об этом особом племени. Я не ожидал, что встречу в жизни что-то подобное. Это был большой сюрприз. Совершенно за рамками привычных вещей. Я удивился, сказал себе, что стоит прислушаться, и потихоньку вошел в состояние восхищения.

– *Пока ты не начал объяснять восхищение, почему бы тебе не показать мне второй огород?*

– Пошли посмотрим... Удивление человека, удивительный факт, что он встречается кого-то или что-то, читает какую-то книгу... и видит, что это могло бы быть ему интересно, перерастает в восхищение. Восхищение – это порыв, в силу которого ты вживаешься в то, что тебе дороже всего, ведь ты этого не ждал. Это нечто непредвиденное. Об этом тысячи текстов написаны. Восхищение – это то, из-за чего ты в конечном итоге соглашаешься с тем, что нашел, поскольку хочешь быть им, хочешь быть тем же самым.

– *Удивляет в этой книге то, что ты, социолог, антрополог, занимавшийся серьезными исследованиями...*

– Да...

– *Вспомни твою книгу «Эль-Эхидо» про иммигрантов и т. д. Тут ты вдруг поменял метод. Социологическая догма гласит, что нельзя устанавливать общение с изучаемым объектом. Ты же в определенный момент – вероятно, как раз из*

восхищения – нарушаешь нейтралитет наблюдателя.

– Именно так. Социология, начиная с Дюркгейма и Вебера, говорит, что по отношению к человеку необходимо занимать научную позицию, квантифицировать и объективировать, насколько это возможно; квантификация – идеал. Поэтому-то так активно развивается статистика, только поэтому. Существует уверенность, убеждение, разделяемое Дюркгеймом и другими людьми, в том, что объяснить человека – это как объяснить какой-нибудь минерал, что факты, касающиеся человека, входят в одну категорию с фактами, касающимися мира, с социальными факторами. Я решил дать точное описание тому, что происходило перед моим изумленным взглядом. Все остальные не хотят видеть происходящее. Я говорил себе: «Я видел все это прямо перед собой, почему же я не всмотрелся? Тут нужно разъяснение». Каждый социолог должен объяснить, почему в определенный момент посмотрел на то или иное явление, хотя оно было у него на виду ежедневно. Ты можешь посмотреть на него, только когда восхищаешься им, когда думаешь, что в нем есть для тебя что-то благое. У человека, когда он смотрит, всегда есть какой-то интерес, у социолога в том числе. Социолог смотрит, чтобы увидеть то, что он хочет увидеть. Я решил – и так возникла книга «Объятие» – выявить, с какими обстоятельствами и моментами времени связано мое изумление. Я начал с тебя, потому что это был настоящий переворот, как падение Савла с лошади. Как когда Савл упал с лошади или как когда святой Мартин отдал свой плащ нищему... «Упасть с лошади» – значит прислушаться к чему-то. Такой была встреча с тобой, без посредников, встреча с твоим голосом... то же может произойти с книгой, с чем угодно. Я сказал: «Мне это нравится, мне хотелось бы иметь такое же мнение перед лицом происходящих событий. Почему же меня его нет?»

– Ты начал сравнивать.

– Начал говорить: «Почему я не думаю так?» – и переустраивать мое «я», определять его границы, откуда я буду смотреть на тебя и слушать. Социолог никогда не станет действовать подобным образом. Социолог утром белый, после обеда черный, завтра утром желтый, а во второй половине дня красный. Он может меняться. Взгляни на нашего президента...

– Меня в книге поражает еще одна вещь, нарушающая своего рода инерцию. В ней куча имен: в первую очередь я, потом – Хавьер Прадес, потом – Макарио. Это все частные истории, из которых ты черпаешь знания.

– Это встречи, это встречи...

– Просвещение говорит обратное: чтобы достичь знания, нужно обращаться к универсальному, ты же обращаешься к частному.

– Почему нужно обращаться к универсальному? Универсальность – фикция. Нигде нет ничего универсального. Его не существует. Ты можешь формулировать гипотезы, отталкиваясь от твоего опыта. Но это образы. Я же хотел выявить обстоятельственные и временные причины моего изумления. Вторым объектом моего изумления был Прадес. Прадес – человек, которому я впервые написал после восьми лет, на протяжении которых он посылал мне открытки с рождественскими поздравлениями, с тех пор как мы встретились в 2002 году в Мадриде на круглом столе, посвященном иммигрантам и мультикультурализму. Он мне писал, а я ни разу не ответил, ни разу! После болезни я решил сделать то доброе, что еще мог сделать, и первым делом я написал ему, написал, прося прощения: «Я не писал тебе восемь лет, я не откликнулся ни на одну твою открытку, прости меня». Он ответил, что будет проездом в Сан-Себастьяне и что мы могли бы встретиться. Казалось бы банально, но говорили

мы о Просвещении. У нас были схожие мнения, хотя смотрели мы под разными углами: он – с точки зрения познания, я – этики. Я много лет преподавал этику в университете, пока не переключился на антропологию. Прадес – человек, который тебя слушает, задает вопросы... удивляет тебя и сам в свою очередь удивляется, удивляется, что тебе важно говорить с ним; его удивляет, что ты смотришь на него, и это удивляет тебя еще больше. У него такой взгляд, который проникает в тебя и успокаивает. Он пригласил меня на одну встречу в Мадриде, а я сказал моей жене, Ирене: «Я не поеду». Она говорит: «Но ведь ты же пообещал приехать». Действительно, я сказал ему да. Я хотел примириться с человеком, который так по-особенному смотрел на меня, который меня понимал, слушал. И я поехал на «Encuentro Madrid» (испанский аналог Митинга в Римини. – *Примеч. перев.*). Чтобы поехать, мне пришлось победить самого себя: ну какое отношение я имел к христианам?

– *И вот ты приезжаешь туда и говоришь, что все похоже на праздник «Юманите» [устраиваемый одноименной коммунистической газетой. – Примеч. перев.], который ты видел в Париже.*

– Да, мне все напомнило *Fête de l'Humanité*, праздник «Юманите»... Я жил в Париже девять лет, а до этого год проработал на фабрике. Я был на празднике в 1970-м, потому что считал себя марксистом. Я никогда не состоял в компартии, но был к ней близок. Это были годы Бургосского процесса, испанская и французская компартии распространились по всей Европе. Я ездил на встречи, организованные компартией, на одну – в Швейцарию, на одну – в Бельгию. Я видел, что из себя представляет коммунизм, и никогда не симпатизировал партии. На «Encuentro Madrid» я встретил ту же человечность, а не аналог праздника «Юманите» [в оригинале здесь игра слов: фр. *Fête de l'Humanité* можно понимать

и как «Праздник газеты „Юманите“ и как «Праздник человечности». – *Примеч. перев.*] Я встретил человеческих людей, встретил улыбающихся людей, которые приходят и уходят в молчании. Они здороваются, обнимаются, слушают тебя, задают тебе вопросы. Повсюду носятся дети... Улыбки, радость... Я был ошеломлен. Ничего подобного я и вообразить не мог.

– *Когда на «Encuentro Madrid» я начал слушать твою критику Просвещения, она меня поразила. Я думал: «Этот человек, знающий всю философию Нового времени и современности, критикует Просвещение, как никто в Испании не критикует».*

– Об этом-то я и говорил с Прадесом. Он мне тогда сказал: «Говори, что думаешь!»

– Это пляж Ондаррета, он переходит в пляж Ла-Конча. Их разделяет мыс, который называется Пико-дель-Лоро, там стоит дворец, где родился и жил король Хуан Карлос. Это первый центр Сан-Себастьяна. В XI веке ничего другого не существовало, и еще был монастырь.

– *Ондаррета – твой район?*

– Это мой район. Я родился чуть выше, на склоне Игуэльдо. У моего отца там был угольный склад. Здесь располагалась тюрьма Ондарреты.

– *Ты поступил в семинарию, а потом в двадцать два года тебя отчислили или ты сам ушел?*

– Отчислили, мне был двадцать один год. Нас исключили шестером: пятеро плюс один, который ушел добровольно. Отослали без каких-либо объяснений. Я пошел спросить, почему меня вот так выгнали. И знаешь почему?

– *Почему?*

– Мне сказали: «Ты говорил, что все священники должны знать баскский язык». Я ответил: «Да, а даже если и не говорил, я так думаю». Вот и вся причина.

– *Чем было для тебя христианство в тот момент? Чем-то умозрительным, доктринальным, из области благочестия?*

– Чем-то на грани мифа и доктрины: то, что касалось таинств, было мифическим, все было смесью правил и исповеди, ничем больше. Мое внимание привлекала справедливость. Что такое справедливость? Почему справедливости не существует? Это были времена Франко, 1962 или 1963 год.

– *Ты вступил в ЭТА (баскская националистическая и террористическая организация, выступавшая за независимость Страны Басков. – Примеч. перев.) в 1965-м, в год, когда родился я.*

– Да, до этого я два года проработал на фабрике. Когда меня исключили из семинарии, я хотел заняться тем, что вы называете «проверкой гипотезы». И занялся. Моя гипотеза касалась потребности в социальной справедливости и невозможности ее достижения в условиях режима, при котором мы жили. Я хотел посмотреть, что происходит при других режимах в сфере работы. Поехал в Германию, а потом – в Париж, работать в компании «Hutchinson». В Париже случилось нечто невероятное, я встретил необыкновенного человека из ЭТА (на самом деле я встретил троих, но один был необыкновенным). Он бежал из Франции после одного похищения, но решил вернуться. Он дал мне прочитать Хо Ши Мина, Чыонг Тиня, Че Гевару... Я был очарован тем человеком. Это была удивительная встреча. Я поехал в Париж учиться, поговорил с ректором, никаких проблем не было, я уже собирался поступать, но буквально накануне друзья из ЭТА сказали вернуться и учиться в Испании, а я уже начал симпатизировать их идеям...

– *А потом было знаменитое голосование... Хулен Мадарьяга был твоим начальником?*

– Приезжаю я сюда, и глава ЭТА Пачи Итурриос посылает меня на лето работать в Пасакес, организовывать профсоюзную ячейку. Все лето я проработал грузчиком. С Пачи Итурриосом завязалась своего рода дружба. Осенью же – шел 1966 год – из ниоткуда появляется некто Хулен Мадарьяга, собирает всех нас, кто был из Сан-Себастьяна, и говорит, что Пачи Итурриоса той ночью нужно убить. Объявляется голосование, и он оставляет за собой два голоса. Кладет на стол пистолет и говорит: «Мы должны убить его сегодня вечером». У нас у всех словно ком в горле застрял. Мы проголосовали, и результатом было «нет» из-за одного-единственного голоса.

– *Этот факт наложил на тебя отпечаток...*

– Неизгладимый отпечаток. Я вступил в организацию, и первое, о чем меня просят, – проголосовать за убийство человека. Я огляделся и увидел трусливых людей, не таких, как я. Чудовищно голосовать за убийство человека. Кто ты? Тебе приходится разбираться в самом себе. Что-то не сходится. Я тогда не сбежал из ЭТА, хотя меня это и подкосило; не сбежал, но не пошел на собрание, это было пятое собрание, первая часть. Однако мой друг, один из руководителей, пригласил меня: «Ты должен прийти, должен прийти». И я пошел на вторую часть шестого собрания, откуда вышел с кое-какими обязанностями, достаточными, чтобы бросить учебу (я к тому моменту записался на экономический факультет). Так я вступил в ЭТА. На праздник Тела Христова в 1967 году мы участвовали в ограблении одного магазина, и в самый разгар дела, когда мы должны были ворваться в магазин, разбив витрину, приехала гражданская гвардия, и в меня выстрелили. Они были в двух метрах от меня и запросто могли убить. Я бежал в горы и оставался там три недели. В 1969-м мы сформировали несколько групп для переустройства ЭТА и предложили ЭТА сложить оружие и перестать убивать, потому как в 1968-м случилось

нечто очень серьезное. Товарищ, занявший мое место, когда я сбежал, а с ним – другой, которого я привел в ЭТА, вдвоем впервые убили гражданского гвардейца, Хосе Пардинеса. Шел 1968 год, я был в Париже, увидел все это и представил себя на месте погибших. Эчебаррьета умер, потому что вытащил пистолет, и гвардейцы застрелили его. И я подумал: «На его месте должен был быть я». На самом деле я вижу в себе убийцу.

– *Что значил для тебя тот период? Какое-то время спустя здесь, в ресторане в центре Сан-Себастьяна, ЭТА убивает Грегорио Ордоньеса...*

– Это случилось в 1995-м, через тридцать лет. Я – чтобы ты понимал ситуацию с Ордоньесом – вместе с моими студентами боролся против ЭТА на личном уровне, но никогда не делал этого публично, политически. Публично я выступил, когда убили Ордоньеса, который должен был стать мэром Сан-Себастьяна, он был из рядов Народной партии, и за него проголосовало большинство. Тогда мы в университете провели собрание, первое и единственное собрание в университете Страны Басков. Никогда больше не устраивались никакие собрания кроме того, что мы устроили на следующий день после убийства Ордоньеса. Об этом рассказывает Саватер, он и его жена были там с нами. Нас было пять преподавателей, и всем пятерым угрожали в последующие недели. Нам посылали потроха животных.

– Это «Гребень ветра» Эдуардо Чиллиды. Чиллида жил наверху. У него есть одна замечательная фраза. Там запад, там восток, ветер дует вот оттуда. Мы называем его «галисийским ветром». Чиллида говорит, что ветер должен входить в Сан-Себастьян «причесанным». Смотри: там Сан-Себа-

стьян. Части имеют смысл только все вместе. Гребень, расческа или щетка – это совокупность зубчиков, щетинок, которые имеют смысл только вместе; так же и с человеком.

– *Разбиваешь яйца...*

– Я тебе приготовлю яичницу с треской. У меня готова треска с луком.

– *Треска уже вымочена?*

– Сначала вымачиваешь треску, а потом добавляешь лук. Я еще кладу немного сладкого перца. Другие готовят иначе, но вот увидишь: ты попробуешь яичницу, приготовленную, как Бог заповедал.

– *Вернемся к книге. Ты, человек, много лет посвятивший преподаванию, посетил разные школы «Общениа и освобождения», и тебя поразил наш способ воспитывать. Что привлекло твое внимание?*

– Воспитание... Мы были преподавателями. Первое, что удивило, – преподаватели из «Общениа и освобождения» не считают себя преподавателями и не используют слово «преподаватель». Для них самое важное – воспитание. Между преподаванием и воспитанием есть разница. Преподавать может и робот. Воспитывать – значит любить ученика, и я видел, как они это делают. Я видел любовь, увлеченность, самоотдачу, которые эти люди вкладывали во все, что делали. Я видел это в маленьком коридоре в школе Кольбе или в школе Ньюмена, наверное в «Ньюмене»: «Ты дар». Ребенку, который учится говорить, даже не писать, прививают мысль, что он дар. Знаешь, что это значит? Значит, ребенка учат, что есть другие и что они тоже дар, что есть кто-то, кто дарит нам самих себя. Для них это существенно важно. Ребенок... таким образом ты можешь объяснить ему, что та-

кое реальность... при первом его знакомстве с реальностью, с первыми шагами, которые он совершает в мире... он уже знает, что получил дар. Это меня поразило...

Я кладу мало соли.

– Я тоже, от нее давление поднимается.

– Давление поднимается и ослабевают внимание, *l'atensión*, как мы говорим по-баскски.

– Другая тема, которая меня поражает, – тема милосердия. Когда приезжаешь с людьми из «Бокатас», с теми, кто заботится о наркозависимых, в Каньяду-Реаль, где собираются все наркоманы... Я ездил туда готовить репортаж, и там жутко, потому что многие из них похожи на привидения. И ты пугаешься...

– Я провел там два часа с Макарио. Он там никогда не был и поехал, потому что я его попросил. Я ему сказал: «Уйдем отсюда, это какая-то бессмыслица... Что они тут делают, кого они спасают?» Мои представления о милосердии совпадают с представлениями Макса Вебера, я об этом пишу в книге. Я их почерпнул в его книге «Хозяйство и общество», которую очень хорошо знаю. Там есть абзац, где говорится: «Милосердие – раздача щедрой милостыни». Я думал, что это и есть милосердие: раздавать милостыню нуждающимся. И я спросил ребят: «Что вы тут делаете, наливая похлебку этим людям?» Подходит один чернокожий, который еле на ногах держится и опирается на палку, приближается к столу, берет с него молоко и кладет в рюкзак, берет пачку печенья и идет прочь, не поднимая головы. Ребята отвечают: «Мы здесь, чтобы освободиться от самих себя. Это заставляет о многом задуматься. Нужно долго с ними разговаривать, чтобы понять, что значит освободиться от самих себя. Освободиться – значит быть готовыми слушать все, что тебе скажут, и ничего не отвечать. Ты там, чтобы что-то получить. Если не освободишься от самого себя, ничего и не полу-

чишь. Нужно освободиться от собственных предрассудков. Мы были полны предрассудков, я и ты: «Что мы тут делаем?»

– *Я о том же подумал.*

– Это предрассудок. Но мы ничего не должны давать. Освободись от самого себя, будь там, ожидай, смотри на их нужду. Иисус так поступал. Освободиться от самих себя – значит быть готовыми, чтобы тебя любили, чтобы кто-то тебе что-то дал, что-то сказал. Я знаю, что в Каньяде были результаты, кому-то удалось помочь.

– *Но в большинстве случаев результатов нет.*

– На самом деле результатов нет: за двадцать четыре года удалось спасти две дюжины людей. Но они сами спаслись. Они отдали себя.

– *Пожарим яичницу?*

– Я приготовлю горох. Вот тут кролик. Это кастрюля для гороха.

– *Ты поехал на каникулы с группой семей, с Ферраном. Тебя впечатлили воспитание, милосердие, которые ты там увидел. Неожиданным образом тебя поразило единство, существовавшее между семьями.*

– Вижу, ты следуешь за главами из книги. Когда мы были в огороде, я хотел тебе сказать и не сказал, что для меня проблема с написанием книги заключалась в желании показать, что то, что я видел, вызывало у меня удивление и массу эмоций. Но я также хотел показать, почему я этого не замечал. Мне пришлось свести воедино разные моменты растроганности, изумления, того, что я назвал «восхищением». Это восхищение... какие у него временные черты? Потому что я провел два года...

– *Конечно, это долгое исследование...*

– И какие обстоятельственные черты? Ты спрашиваешь о том, что меня удивило. Я сейчас говорю, чтобы стал понятен твой вопрос; возможно, кто-то книгу не читал и не-

доумевает: «Почему он спрашивает об этом?» Я видел, как там встречалось множество людей. Я один из них. Первым делом в *la masía* [дом неподалеку от Барселоны, где группа семей из Движения совместно проводит выходные и один месяц летом. – *Примеч. перев.*] меня попросили: «Расскажи нам о твоей жизни. Расскажи что-нибудь о себе». Я думал, это какая-то групповая терапия. Но это не была групповая терапия. Я понял, в чем для них смысл рассказа. Понял очень быстро, пока разговаривал с ними. Это не групповая терапия, а терапия Бога. И какая терапия! Когда рассказываешь о жизни, первая важная вещь – это то, что у тебя есть идентичность. Мальчик-с-пальчик не рассказывает свою историю, ее рассказывают другие, но, когда тебе говорят, что ты должен рассказать о себе, ты говоришь о твоей жизни. Это проблема идентичности, того, способен ли ты рассказать цельную историю самого себя с детства и до сегодняшнего дня. Огромная проблема идентичности, как доказывает социология, в том, что после Сартра личности трудно...

– *Поддерживать идентичность непрерывной.*

– Человек думает, будто он сам себе господин, будто у него есть личные предпочтения, будто он хозяин самому себе и всегда делает то, что ему интересно, что его удовлетворяет, чего он желает. И он ежеминутно меняется, переходя от одного к другому. Всем нам это прекрасно известно. Проблема прежде всего в том, что объединяет все наши перемены поведения в цельное «я»; все эти перемены затрагивают меня: это «я» есть я, и я владею собой и отвечаю за себя и за мои поступки. И второе: я могу совершить переход от детства к юности и от юности до настоящего момента. И я все тот же я. Я являюсь самим собой, хотя я и не такой, как раньше, потому что я изменился.

– *Но «я» остается непрерывным.*

– Непрерывность состоит в том, что я хозяин всех изменений моего поведения. В конечном итоге «я» в этом – в моем поведении.

– *Это не отвлеченное понятие.*

– Я это отчетливо увидел там. И еще я увидел, почему они так ведут себя; ты осознаешь, почему они так ведут себя. Они себя так ведут, потому что Бог существует. Это любопытно, я увидел это и в браке. Я спросил у одной пары: «Что есть между вами, мужем и женой?» И они сказали: «Бог». Я обращался за объяснениями направо и налево и видел, что Бог – тот элемент, который всегда может объединить две жизни.

– *Почему в определенный момент твоей битвы с самим собой ты вспоминаешь Витгенштейна? Ты долго изучал Витгенштейна и в книге в какой-то момент цитируешь отрывок из его «Дневников», где говорится: «Если только „Бог“ не посетит меня». Почему в твоем борении ты вспоминаешь Витгенштейна?*

– Для меня Витгенштейн – одна из четырех-пяти важнейших личностей XX века. Учитель. У него было все. Он отказался от денег и славы, поехал в деревню, чтобы преподавать. Он был необыкновенным человеком. Его Трактат, «Философские заметки»... Я перечитал три раза, если не больше, «Безоружную красоту» Хулиана Каррона и нашел там цитату из «Дневников» Витгенштейна: «Чего мы хотим более, чем искупления? Где оно? Витгенштейн говорит: «Я сижу за моим столом, и сверху меня достигает свет, маленький луч. Я смотрю на него, и это знак абсолюта, до которого я хотел бы подняться, но я остаюсь сосредоточен на земных вещах. И на этом я останавливаюсь, если только Бог не посетит меня и не просветит». И я понял, на что Витгенштейн не осмеливался. Я обратился к его «Дневникам» (у меня дома есть издание) и подумал, что агностик всегда боится открыть истину. Он предпочитает говорить: «Я не знаю, может, все и так, но... Пусть на меня

сойдет свет!» Я не могу судить о Витгенштейне, о его конце, о том, где он сегодня. Я им восхищаюсь. Думаю, он не осознал, что был упорным агностиком. Он мог бы сказать: «А что, если я поднимусь к свету? Почему бы мне самому не подняться, не выйти наружу?» Думаю, это то, что пожелал сделать я: подняться наверх и посмотреть. И я увидел вас!

– Ты понял, что не мог оставаться неподвижным.

– Если бы я действовал, как Витгенштейн, я бы лишь повторял за ним. Я же всегда стараюсь идти дальше.

– *Яичница с треской просто потрясающая!*

– В следующий раз будет еще лучше!

– В «Объятии» есть отрывок, который мне кажется самым захватывающим. Ты находишься перед племенем, которое изучаешь, и в один прекрасный момент начинаешь считать допустимым, возможным предположение о том, что все, что ты видишь, – следствие существования не просто Бога, а Бога воплощенного. Ты не ставишь точку в вопросе, утверждая, что эти люди ведут себя так по причине коллективного невроза или в результате сублимации их желаний. Есть в книге место, в котором ты утверждаешь допустимость гипотезы. Как ты дошел до этого?

– Ты, конечно, имеешь в виду один из последних абзацев, где я как бы прикидываю: «Эта замечательная жизнь, какой и мне хотелось бы жить, образ жизни этих людей, в котором столько самоотдачи, радости, – как такая жизнь возможна?» Бывает, ты вспыхиваешь. Встречаются удивительные люди, прекрасные, с которыми случаются своего рода вспышки, но со временем они гаснут. Здесь же видишь жизни, я два года наблюдал за этой жизнью, за этими личностями (в книге они действующие лица, но все они личности), за семьями, и знаю, что иначе как благодаря чуду такое невозможно. Вот эта семья – чудо, тот человек – другое чудо. Всюду чудеса. И эта великая тайна. Их образ жизни заставляет меня спра-

шивать: «Почему они так живут?» Я могу вспыхнуть на год, на два, но на всю жизнь... И потом, речь не только о моей жизни, но о жизни, тех, будет после, и после; такие жизни существуют уже две тысячи лет. Думаю, христиане на протяжении двух тысяч лет жили так, как живете вы, облагораживая человечность, позволяя цвести милосердию, любви. Социологи об этом не говорят, потому что им это не интересно. Они не говорят об «Общении и освобождении» или о других христианах, с которыми я не знаком, но которые точно существуют, я знаю, что они существуют в разных общинах, в братствах, потому что я с ними пересекался. И ты начинаешь задаваться вопросами. Можно объяснить одну жизнь, долгий период одной жизни (не всю жизнь), но объяснить семьи, жизни, поколения, творящие добро, воплощающие добро... Этому факту есть только одно объяснение: то, что они говорят, истинно; истина в самом деле есть истина в действии. Истина всегда действует. Истина производит жизнь. Этот образ жизни от чего-то произошел. Говорят, от Иисуса Христа. Если мне нужна такая жизнь, если я ей восхищаюсь, я должен с восхищением смотреть на мотор, приводящий эту жизнь в движение. Вот и все. И тогда ты понимаешь, что мотор этот стал человеком, это Бог, ставший человеком. Только так можно понять. Я преподавал сравнительную историю религий и хочу закончить так. Боги, которых все мы изучаем, абстрактны. Ни один человек никогда не говорил того, что сказал Иисус: «Прощайте друг друга, любите друг друга, посещайте больных, давайте пищу голодным, другой важнее тебя, жизнь дана не для того, чтобы ее сохранить, но чтобы отдать, и если будешь пытаться сохранить ее, ты ее потеряешь». Во всем человечестве нет никого (по крайней мере я не встречал, а я о религии кое-что знаю, я сотни книг прочитал), никого, кто сказал бы такое. И важно не только то, что Иисус это сказал, а что эти люди

следуют за Ним. И тогда ты понимаешь. И говоришь: «Я должен в это верить, это живой Иисус, и я верю в Него». В Бога я бы не поверил.

– Почему?

– Потому что Бог – это идея. Сначала философия, а за ней – религия и богословие попались в ловушку и свели Бога к идее. В этом-то и разница. Мы говорим не о Боге, мы говорим о человеке, который был Богом и который учит нас, куда нам идти.

– Я помню день, когда ты нам сказал: «А что, если Иисус и правда воскрес?» Ты тогда боролся с достоверностью этого свидетельства.

– В какой-то момент ты вынужден спросить себя: «Как все они могут одновременно ошибаться?» Враги тоже знали, кто Он. Но они не знали Его. Иоанн и Андрей за Ним пошли, хотя не были с Ним знакомы. «Это учитель». Они провели два-три года с учителем. После такого человек преобразается! Вот что такое воскресение. Мы знаем, что воскресение существует. Он воскрес и сказал нам, что и мы воскреснем.

– Микель, спасибо, что ты написал «Объятие». Спасибо за этот разговор, за твою работу в последние годы.

– Это я должен благодарить вас. Спасибо тебе, что ты был у микрофона в эти четыре, пять, шесть лет. Для меня это было внезапное озарение. Это я должен благодарить тебя, Фернандо. Твои передачи привели меня сюда. Я никогда не смогу отблагодарить тебя должным образом.

– Это я никогда не смогу должным образом отблагодарить тебя за то, что значила и чему научила меня встреча с тобой. Спасибо, Микель. ●

Заключение Хулиан Каррон

Как и Азурменди, каждый из нас призван прежде всего *смотреть* на то, что происходит перед нами, что происходит сейчас. Почему мне это кажется столь важным, прежде всего для нас самих, для того, чтобы мы научились видеть ценность каждого из нас? Потому что, если мы не смотрим на происходящее, на событие Христа, если не следуем за ним, мы не можем двигаться вперед, а значит и помогать другим. Именно перед событием, *происходящим сейчас*, решается вся жизнь. Все остальное не в силах изменить ее. Мы не можем заместить событие объяснением, интерпретацией, доктриной. Таким образом мы бы лишь умножили ничто! По сути, за множеством дискуссий кроется именно ничто. Это видно из того, что они нас не меняют и в конечном итоге утомляют. Но никакая дискуссия не в состоянии устранить то, что произошло этим летом во многих людях и чему мы стали очевидцами.

Перед лицом таких фактов мы и проверяем, насколько мы готовы смотреть, насколько мы позволяем нас поражать, как Азурменди, как в случае исцеления слепорожденного, потому что нет большего вызова нашему нигилизму, пустоте, чем происходящее событие. Лишь «новая человечность, иная, более истинная, более завершенная, более желанная <...> способна пробить брешь

в нашем сознании и в сознании современных людей». Это единственный факт, который «может быть услышан как притягательное и освобождающее приглашение»⁶. Только так – под видом события, происходящего сейчас в твоей и моей истории, – Христос открывается нам как опыт надежды в настоящем, как то, что побеждает настоящее и наполняет надеждой будущее.

Мы признали это во многих свидетельствах, услышанных летом. Что должна была увидеть в группе итальянских паломников из Движения палестинская христианка (она выступала на международной встрече ответственных), которая считала факт своего рождения в Палестине наказанием для нее самой и для ее детей? Что должна была она увидеть, чтобы решить остаться на родине, хотя долгие годы ей хотелось сбежать? С ней произошла встреча, поменявшая ее суждение, ее взгляд на все. Какой опыт пережила наша тяжело больная подруга из Движения Ксяю Пинг, чтобы стать «пульсирующим сердцем общины» в Тайпее? Что позволило ей сказать: «В конце концов я поняла, что моя задача теперь не столько в том, чтобы научиться предстоять перед болью или надвигающейся смертью, сколько в том, чтобы использовать оставшееся мне время, чтобы говорить всем о том, с чем я встретилась»⁷. Она поняла, что нужнее всего здесь и сейчас.

Один из вас пишет мне: «Для меня поразительно читать в утренней молитве среды: „Мы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе... Где Дух Господень, там свобода». Так вот, у тех, кто переживает такой опыт свободы и избавления от страха, будет видно „сияние во

⁶ Х. Каррон. *Сияние в глазах*. С. 107.

⁷ *Tracce*. N. 9. 2020. P. 2.

взгляде“, спасающее от небытия». Как у наших подруг из Вифлеема и Тайпея.

Неважно, какое у человека лицо, каковы его характерные черты, возможно, он даже пришел в последний момент: «Авторитет есть личность, глядя на которую, видишь, что слова Христа соответствуют сердцу», – говорил отец Джуссани (помните День начала прошлого года?), личность, глядя на которую видишь, что Христос истинен и побеждает. Джуссани добавляет: «Именно это ведет народ»⁸. Это, а не болтовня, не споры и не посты, которые человек занимает!

В светских терминах это выразил журналист Антонио Полито, говоря о недавних вспышках подросткового насилия, выявляющих подлинную чрезвычайную ситуацию: чрезвычайную ситуацию в воспитании. Кто может ответить на нее? Только «учителя, способные затронуть пылающую точку в сердце и уме каждой формирующейся личности, и повезло тем, кто однажды в жизни встретился с одним из них»⁹.

Затронуть пылающую точку! Это может быть даже одно дуновение, говорит Джуссани, «ведь Господь действует и через дуновение... Пусть даже в одном дуновении, в одном мгновении человек различает притягательность, подсказку, догадывается о существовании чего-то более прекрасного, более отвечающего его ожиданиям, лучшего»¹⁰. И тогда он приходит в восхищение, как говорил Азурменди. В тот момент и разворачивается вся битва с нигилиз-

⁸ Из беседы отца Джуссани с группой членов *Memores Domini*. Милан, 29 сентября 1991 г. См. *Кто Сей?* День начала года для взрослых и студентов из «Общения и освобождения». Милан, 28 сентября 2019 г.

⁹ А. Politico. *Op. cit.*

¹⁰ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. М.: Духовная библиотека, 2019. С. 118.

мом: она зависит от готовности уловить такое «дуновение» и последовать за ним. И потому все зависит от нашей нравственности, то есть от нашей любви к истине.

Первое условие пути – смотреть, в чем мы и убедились. «Евангелие, – подчеркивал Джуссани в 1994 году, – более пятисот раз использует глагол „смотреть“ и только сто пятьдесят – сто восемьдесят раз глаголы „верить“, „любить“, „следовать“»¹¹.

Смотреть. «И больше ничего?!» Я понимаю, кому-то может показаться, что этого слишком мало, учитывая все вызовы, осаждающие нас. Но этого не было слишком мало для отца Джуссани, который всегда предлагал нам именно это как первое и решающее условие по-настоящему человеческого пути. Самые старые из нас помнят, как читали об этом в знаменитом пасхальном плакате 1992 года, на котором изображен Марчеллино: «Компания говорит тебе... прежде всего она говорит тебе: „Смотри“. Потому что в любой компании по призванию всегда есть люди или моменты в людях, на которые нужно смотреть. В компании самое важное – смотреть на людей»¹².

В беседе с Джованни Тестори, состоявшейся в 1980 году, Джуссани говорил: «Мне не удастся найти никакого другого признака надежды, кроме растущего числа таких людей, являющихся присутствием. Рост числа таких людей и неизбежная симпатия... между этими людьми»¹³.

Второе условие – признание, то есть расцвет того, что уже было заключено в смотреии. Признание чего-то

¹¹ *Il tempo si fa breve. Esercizi della Fraternità di Comunione e Liberazione. Appunti dalle meditazioni.* Milano: Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, 1994. P. 24.

¹² Пасхальный плакат «Общения и освобождения», 1992. См. L. Giussani. *In cammino. 1992–1998.* Milano: Bur, 2014. P. 366.

¹³ L. Giussani, G. Testori. *Il senso della nascita.* Milano: Bur, 2013. P. 116.

внутри явлений, до которого дошел наш друг Микель после трех лет жизни с людьми из Движения в Испании. Но для признания нужна глубокая *честность*, чтобы и нас не коснулось горькое утверждение Иисуса из притчи про двух братьев, которую мы услышим в евангельском чтении в ближайшее воскресенье. Кто из двоих исполнил волю Отца? Тот, кто признал факты, через которые воля Отца была высказана! «Иисус говорит им: ...мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие, ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему»¹⁴.

Для Иисуса все зависит от готовности признавать происходящее. Но почему нужна открытость, честность? Потому что «Тайна, судьба, сообщает человеку о Себе посредством плоти, посредством реальных, существующих во времени и пространстве, в соответствии с физической природой вещей, в соответствии с конкретными обстоятельствами, которые, будучи естественными обстоятельствами, сохраняют всю свою хрупкость и кажущуюся легковесность, и так в глазах фарисеев выглядел Христос, Его семья, Его деяния и Его слова. Признание этого метода называется верой, поскольку речь идет о разумности человека, который признает в определенной видимости великое присутствие. В видимости, определенной естественным образом, необходимо признать великое присутствие начала [об этом свидетельствовал нам Микель], конечного содержания («все Им стоит») судьбы. Если великая тайна Церкви не воплощается в конкретном обстоятельстве, близком ко мне, она остается тщетной и попадает во

¹⁴ Мф. 21:31–32.

власть моих интерпретаций, моих чувств, моих капризов, моего самоутверждения»¹⁵.

Как сегодня Христос стучит в двери каждого человека, в двери твоей и моей человечности?

«Каким абстрактным был бы и Иисус Андрея и Иоанна, если бы Он не становился конкретным сейчас (сейчас!), в этот момент, в Его присутствии в тайне Его Тела, в тайне Церкви, созиданию которой каждый из нас служит „как живой камень“, – говорится в литургии. <...> Но спросим себя еще раз: *как* это таинственное Тело Христово („таинственное“, поскольку его глубинная форма ускользает от нашего воображения), эта живая Церковь – Его Тело (Он сказал святому Павлу: „Савл, Савл, почему ты гонишь *Меня*“, – а Савл никогда Его не видел, он преследовал христиан; и вот голос Христа говорит ему: „Савл, Савл, почему ты гонишь *Меня*“), – одним словом, *как* эта реальность тайны Христовой сообщает о себе, или, если обратиться к выражению из Откровения, как она „стучит в дверь“ всякого человека, призванного к вере? <...> В жизни Церкви! Но когда человек встречает лицо, отличное от других, лицо, в котором тайна Христа и принадлежность к Церкви меняют способ смотреть, слышать, касаться, способ входить в отношения с людьми и вещами, когда он замирает с открытым ртом и смотрит на него, как Иоанн и Андрей – на Христа, тогда это *особый, любопытный случай*. Дух Божий свободно достигает того или иного человека, позволяя ему с легкостью думать по-христиански, наделяя его способностью с радостью воспринимать все по-христиански, с великодушием созидать по-христиански, так что все, кто приближается к этому челове-

¹⁵ L. Giussani. *La familiarità con Cristo*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2008. P. 108–109.

ку, так или иначе поражаются. Вот оно! Высший способ поразиться тому, как Христос остается в истории, – это когда Дух Святой, Дух Христов позволяет нам встретить кого-то, в следовании за кем вера становится более ясной, привязанность к вере – более насыщенной, а желание расширять Царство Христово – более сознательным и более креативным. Это и есть *харизма, событие харизмы*»¹⁶.

Мы здесь из-за этого, из-за «события харизмы»; мы здесь из-за этого события, «живого сегодня», что подтвердили свидетельства Азурменди и наших друзей из Вифлеема и Тайпея, а также и многих других людей, которых я не цитировал. Если бы речь шла о «вчера», не было бы уже события, оно было бы не в состоянии привлечь нас и изменить. «Вне этого „сейчас“ нет ничего! Наше „я“ способно приходить в движение, испытывать волнение, то есть меняться, только лишь благодаря современности»¹⁷. Если бы событие не происходило сегодня, не было бы живым, у нас в руках осталась бы лишь доктрина, необыкновенная доктрина, но все же лишь доктрина. Но никакая доктрина не в состоянии победить нигилизм, «пожирающий» нашу душу.

«Дорогой Хулиан, в последнее время я часто спрашивала себя: харизма отца Джуссани – это живая харизма или мертвая доктрина? Во втором случае мы оказались бы в ситуации, схожей с той, что сложилась после смерти Гегеля. Все свелось бы лишь к спорам между „старыми“ и „молодыми“ гегельянцами, к игре их интерпретаций. Я сорок семь лет в Движении и сорок – в *Memores Domini*, и до сих пор мое сердце замирает, когда я вспоминаю, как трогательная рациональность Джуссани неоднократно

¹⁶ L. Giussani. *Il tempo si fa breve*. P. 35–36.

¹⁷ Л. Джуссани. *Пасхальный плакат «Общшения и освобождения»*, 2011.

спасала меня из пропасти терроризма и от мрачных чар нигилизма. Но то же замирание сердца я ощущаю и сейчас, когда ты превращаешь мою тягу к небытию в желание жизни, „поднимая планку“, с помощью любви к моей жизни и жизни бедных отчаявшихся людей этого мира, с помощью любви, которую улавливает забытое и истерзанное человеческое сердце и которая призывает его быть „я“. Что такое христианство: теория или пришествие отчей любви и сегодня, в этой культуре, толкающей восемнадцатилетних ребят к самоубийству без видимых причин (как случилось с одним моим учеником, которого я очень любила)? У меня есть сестра, которой почти семьдесят; муж бросил ее больше тридцати лет назад, детей у нее нет; она поборола рак, а теперь у нее болезнь Паркинсона. Она очень много читала: от Маркса до Гуссерля, от Толстого до Барта, от Сименона до Борньи. Несколько дней назад она сказала мне, что книга „Сияние в глазах“ стала важной для ее жизни. Когда я спросила почему, сестра ответила: „Она позволила мне открыть то, что я всегда скрывала от самой себя, – мой нигилизм. И теперь я хочу идти дальше“. Знак того, что харизма Джуссани жива сегодня, – как раз в таком полном любви понимании трагедии нашего века; ты помогаешь нам осознать, что мы находимся во власти ничто, и в то же самое мгновение вновь зажигаешь в нас сознание, что мы дети».

Мы говорили об этом в шестой главе «Сияния в глазах», особенно в первых трех абзацах. Каждый может вернуться к этим страницам, над которыми мы будем работать на школе общины в ноябре.

«Однако недостаточно, – говорил я в книге, – иметь в настоящем такое отцовство, я должен быть готов позволить ему породить меня. От готовности быть детьми целиком и полностью зависит плодотворность нашей

жизни». И далее: «Об этом Иисус говорил Никодиму: „Тебе нужно родиться снова“. <...>. Тот, кто соглашается следовать за Ним, становясь чадом, с удивлением заметит новизну, которая начинает происходить в его жизни»¹⁸.

Именно этого мы желаем друг другу в начале нового года, драматичного и прекрасного. Будем надеяться, Отец найдет нас готовыми следовать за тем, что произошло в Джуссани и продолжает происходить благодаря методу, на который он постоянно обращал наше внимание: никто не порождает, сам не будучи порожаем, – поскольку в нем и через него действовал Дух Святой. Пусть каждый из нас почувствует личную ответственность за такую готовность. Мы друзья, старающиеся поддерживать друг друга в нашем «да», которое каждый из нас призван говорить Христу, дорожа при этом судьбой другого!

¹⁸ См. Х. Каррон. *Сияние в глазах*. С. 144.

